

УДК 332.1.

doi: 10.32651/199-32

ЧИКУЛАЕВ РОМАН, ЧЕРДАНЦЕВ ВАДИМ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОЦЕДУР БАНКРОТСТВА В РЕГИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОМ АСПЕКТЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

БАНКРОТСТВО, INVESTMENTS, FINANCE, AGRICULTURAL PRODUCERS, INSOLVENCY, BANKRUPTCY, АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС, ИНВЕСТИЦИИ, ФИНАНСЫ, СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛИ, НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX.

АННОТАЦИЯ:

В статье анализируются вопросы реализации нормативно закрепленных процедур банкротства в хозяйственной практике с учетом их народнохозяйственного значения в регионально-отраслевом разрезе. Делаются выводы о неопределенности в трактовке и применении базовых понятий, таких как «банкротство» и «несостоятельность». Объясняется взаимное влияние экономических и нормативно-правовых проявлений универсальной категории банкротства. Выделяются отраслевые особенности применения законодательства о банкротстве на примере АПК и финансовых инвестиций. Делаются выводы об особом значении государственного управления банкротством для сельскохозяйственных производителей, с учетом коренных особенностей (региональных, климатических и др.) сельского хозяйства, а также его повышенной значимости для обеспечения продовольственной безопасности страны. Выявляются некоторые ключевые проблемы формального применения законодательства о банкротстве, демонстрируемые соответствующими финансово-экономическими последствиями, приводятся обработанные статистические данные, предлагаются подходы к преодолению негативных тенденций. Предлагается выработка комплекса специальных правовых норм и регулятивных механизмов усиления защиты субъектов АПК, оказавшихся в сложной финансовой ситуации; введение полного или частичного иммунитета от банкротства для сельхозпроизводителей; возрождение специального государственного органа по типу Федеральной службы по финансовому оздоровлению, создания специализированных банкротных судов.

Chikulaev R.V. , Cherdantsev V.P.

ECONOMIC IMPORTANCE OF BANKRUPTCY PROCEDURES IN THE REGIONAL AND SECTORAL ASPECT

The article analyzes the current issues of implementation of the statutory bankruptcy procedures in economic practice, taking into account their national economic importance, in the regional and branch context. Conclusions are drawn about the uncertainty in the interpretation and application of basic concepts such as "bankruptcy" and "insolvency". The mutual influence of economic and legal manifestations of the universal category of bankruptcy is explained. The branch features of application of the legislation on bankruptcy on the example of agro-industrial complex and financial investments are allocated. Conclusions are drawn about the special importance of state bankruptcy management for agricultural producers, taking into account the indigenous features (regional, climatic, etc.) of agriculture, as well as its increased importance for food security of the country. Some key problems of formal application of bankruptcy legislation, demonstrated by the corresponding financial and economic consequences, are identified, processed statistical data are presented, and approaches to overcoming negative trends are proposed. It is proposed to develop a set of special legal norms and regulatory mechanisms to strengthen the protection of AIC entities in a difficult financial situation; full or partial immunity from bankruptcy for agricultural producers; the revival of a special State body such as the Federal Financial Recovery Service and the establishment of specialized bankruptcy courts.

Понятие «банкротство» вошло в профессиональный экономический, правовой, научный оборот с началом рыночных реформ в России в начале 1990-х гг. При этом в качестве парной категории стало использоваться и иное понятие - «несостоятельность». Очевидно, использование двух дефиниций одного и того же явления объясняется заимствованием зарубежных образцов, в которых понятия, близкие к Bankruptcy (банкротство) и Insolvency (несостоятельность) используются наравне друг с другом, к примеру, в законодательстве США (Bankruptcy Code, законы отдельных штатов), ФРГ (Insolvenzordnung), Франция (закон (Akt) от 1984 г., 1985 г. и др.) Вместе с тем даже в семантическом, смысловом значении, «банкротство» и «несостоятельность» не есть одно и то же. Под банкротством правильнее понимать установленные законом и реализуемые в специальном порядке юридические и хозяйственные процедуры, связанные с финансовым оздоровлением или, что бывает чаще, с реализацией имущества должника и удовлетворением требований кредиторов. Несостоятельность — более широкое понятие, которое в экономическом значении ближе к оценке финансового положения

хозяйствующего субъекта, прежде всего, в части показателей финансовой устойчивости и срочной ликвидности на определенном временном интервале.

Тем не менее, российское законодательство стало развиваться по пути синонимического использования обоих понятий, что представляется не вполне правильным, приводящим к излишней терминологической перегруженности. Банкротство следует признать особым экономическим явлением, универсальной категорией, комплексно включающей в себя оценочную характеристику финансового положения хозяйствующего субъекта, а именно способность или неспособность исполнять финансовые обязательства (что собственно и должно характеризоваться терминами «финансовая состоятельность» или «финансовая несостоятельность»), а также установленные нормативно обязательные процедуры, применяемые при возникновении финансовой несостоятельности. Алгоритмически финансовая несостоятельность должна быть поставлена на первое место, являясь причиной и фактом-состоянием, а банкротство, будучи следствием, всегда вторично и должно рассматриваться как результирующий факт-процесс.

Как отмечает М.Н. Семякин, «актуальность проблемы соотношения экономики и права обуславливается тем, что это одна из ключевых, методологических проблем, которая оказывает очень важное влияние на решение многих вопросов...» [1, С. 41]. Избежать нормативной составляющей обоих явлений, поместить их исключительно в сферу экономических характеристик вряд ли возможно даже в сугубо теоретических конструкциях, поскольку, как и многие другие хозяйственные явления, банкротство существует в легальном, нормативно урегулированном смысле, как юридический факт, юридическая процедура, правовой институт и совокупность нормативных актов. М.Н. Семякин справедливо выделяет три модели соотношения экономики и права: в первой экономика определяет право, во второй наоборот, право занимает определяющее место, в третьей примат невозможно признать ни за одной из категорий, поскольку и экономика и право оказывают взаимное влияние друг на друга [1, С. 74]. В отношении процедур банкротства наблюдается, скорее ситуация, которая ближе к третьей модели, поскольку законодательство о банкротстве развивалось как ответ на вызовы хозяйственной практики, но сама практика, материалистически объективированная в финансовых последствиях не может не учитываться при построении методов государственно-нормативного регулирования.

Несостоятельность в предикатном значении проявляется в конкретных относительных финансовых показателях (коэффициентные, процентные). Когда такие показатели не соответствуют экономическим

нормативам, при соотношении с абсолютными финансовыми значениями (суммы задолженности, размер отдельных обязательств, величина собственных активов и т. п.), несостоятельность выступает как юридический факт, обуславливающий инициацию банкротства как процесса, состоящего из ряда хозяйственно-правовых процедур. Каждая процедура банкротства, тем самым, имеет юридическую форму, поскольку определяется нормативно, но также неразрывно связана с хозяйственным действием: реализацией имущества, погашением задолженности, поиском дополнительных источников финансирования и т. п.

Современное отечественное законодательство о банкротстве развивалось сложным эволюционным путем, сталкиваясь с серьезными трудностями применения, что выражалось в негативном финансово-экономическом результате внешне логичных нормативно закрепленных конструкций. Трудный процесс развития продолжается и сегодня. В России было последовательно принято и отменено несколько законов, в каждом из которых наблюдалось концептуальное изменение базовых подходов. Таковы Закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» от 1992 г., Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 1998 г., Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» от 1999 г., Федеральный закон «Об особенностях несостоятельности (банкротства) субъектов естественных монополий топливно-энергетического комплекса» от 1999 г.. Как видно, законодатель пытался применить хозяйственно-отраслевой аспект регулирования банкротства, вводя отдельные нормативные акты для отдельных специфических групп хозяйствующих субъектов. Действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 2002 г. (далее — Закон о банкротстве) заменил ранее принятые акты, в том числе о банкротстве отдельных видов предприятий [2]. Тем самым, действующий закон построен по дуалистическому принципу, сочетая в себе общее регулирование банкротства как явления, а также особенности банкротства в таких хозяйственных и отраслевых комплексах как:

- градообразующие организации;
- финансовые организации (банковские, микрофинансовые и иные кредитные институты, страховщики, профессиональные участники рынка ценных бумаг, негосударственные пенсионные фонды, управляющие компании инвестиционных и пенсионных фондов, клиринговые организации, организаторы торговли, кредитные потребительские кооперативы);
- стратегические предприятия и организации;
- субъекты естественных монополий;
- застройщики;

- участники клиринга;
- специализированные общества и ипотечные агенты;
- сельхозпроизводители (сельскохозяйственные организации и крестьянские (фермерские) хозяйства).

К настоящему моменту действующий Закон о банкротстве пережил более девяносто редакций, что указывает на нестабильность регулируемых отношений и актуализирует задачу достижения определенности в нормативной регламентации процедур банкротства с целью их эффективной в экономическом смысле реализации в горизонте как минимум в несколько лет. Также отраслевая направленность Закона указывает на особенные группы хозяйственных процессов, требующих реализации особых подходов. К числу таковых в первую очередь относятся финансовые рынки и их субъекты, а также субъекты АПК, что можно признать положительным фактором с учетом повышенной значимости деятельности сельхозпроизводителей для обеспечения продовольственной безопасности страны.

Несмотря на важность, вопрос об отраслевой составляющей «проблемы несостоятельности и банкротства» глубоко пока не изучен. В отношении сферы АПК можно отметить, в частности, исследование мероприятий по антикризисному управлению и применению Антикризисной программы Правительства РФ и Минсельхоза РФ [3], а также исследование наиболее актуальных проблем банкротства сельхозпредприятий, в том числе неправомерных действий при банкротстве, на примере Алтайского края [4].

По нашему мнению, степень народнохозяйственной значимости отношений должна учитываться как при выработке стратегий хозяйственного управления, которые могут быть «управлением позитивным процессом» (к примеру, экономическим развитием хозяйственного комплекса) или «управлением негативным процессом» (пример — банкротство), а также при формировании системы нормативного воздействия на процесс. В части таких наиболее важных явлений, экономических процессов и комплексов, требующих наиболее пристального внимания при осуществлении и регламентации процедур банкротства, в отраслевом аспекте видятся сфера АПК, сфера инвестиций в реальный сектор (прежде всего строительство), а также финансовые рынки [5]. Во всех указанных сферах наблюдаются такие явления как: а) повышенный процент банкротств отдельных предприятий, б) противоречия, пробелы и иные затруднения в нормативном регулировании, в) негативные тенденции практики применения банкротных процедур.

Существенным должен стать регионально-отраслевой подход, предполагающий классификацию соответствующих экономических

процессов и юридических процедур в зависимости от состояния и условий отраслевого хозяйствования в том или ином регионе. Так особое значение приобретает анализ влияния климатических и прочих региональных особенностей на финансовую устойчивость сельхозпроизводителей. Выше приводились исследования в части Алтайского края [4]. А, к примеру, в Пермском крае в летний сезон 2019 г. выпало сверхнормативное количество осадков, что привело, судя по оперативной информации из СМИ, к полной гибели урожая картофеля некоторых фермерских хозяйств. Объективно, что такие факторы окажут прямое негативное влияние на рост вероятности банкротства хозяйств и с методологических позиций обуславливают невозможность применения к ним общих подходов, установленных законодательно для «обычных» групп финансово несостоятельных должников.

В отношении сферы инвестиций и финансовых рынков наблюдается негативная тенденция роста банкротств региональных финансовых организаций на фоне практически полного исчезновения региональных кредитных организаций. Исследования в этом направлении пока не столь значительны и должны продолжаться. Статистика Федерального ресурса сведения о банкротстве (Таб. 1) показывает, что тенденция банкротств имеет динамику к стабилизации, однако это происходит на фоне роста за последние 3-5 лет. [6]. Также данный источник отмечает, что число российских компаний, признанных банкротами, в 2018 году сократилось на 3,1% по сравнению с 2017 годом - до 13117. Число введенных судами реабилитационных процедур (внешнее управление и финансовое оздоровление) снизилось до 297 или 1,2% всех процедур в 2018 году, по сравнению с 395 или 1,5% в 2017 году.

Таблица 1. Динамика банкротств российских организаций.

Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Кол-во организаций, признанных банкротами	6650	10040	10762	12923	13044	12549	13541	13117

Статистика демонстрирует тенденцию приоритета ликвидационных процедур над санационными. По мнению авторитетных ученых: «На современном этапе развития института банкротства России при проведении дел о банкротстве субъектов экономики имеет место значительный перекося в сторону ликвидационных процедур. Реабилитационный потенциал института банкротства недооценен практиками и не используется в полной мере». [7, С.6].

Конституцией Российской Федерации гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности. Однако, осуществление принципа «свободы экономической деятельности» не должно нарушать права, свободы и законные интересы других лиц, а также основы правопорядка и нравственности. Все действия субъектов предпринимательства, направленные на возникновение, изменение или прекращение их прав и обязанностей должны совершаться в строгом соответствии с законом, иначе возникают основания для признания таких действий недействительными. Об актуальности проблемы свидетельствует судебная статистика. Так, российскими арбитражными судами в 2017 г было рассмотрено 1930 дел о признании сделок недействительными, 473 дела по ст. 61.2 «Оспаривание подозрительных сделок» Закона о банкротстве рассмотрены высшими судами, всего 69 226 дела рассмотрено арбитражными судами и 413 дел судами общей юрисдикции в период 2014-2017 гг. [8].

Вышеупомянутый Федеральный ресурс сведений о банкротстве содержит информацию об оспаривании сделок должников в процедурах банкротства (Таб. 2), которая указывает на крайне тревожные тренды многократного роста указанных споров и, соответственно, оспоренных сделок. В указанном смысле необходимо учитывать, что каждая признанная недействительной в юридическом смысле сделка, в экономическом значении влечет разрушение некоторой финансово-хозяйственной конструкции, которая в большинстве случаев уже стала материальной базой для иной хозяйственной операции, повлекла новые финансовые последствия. Тем самым возникает «эффект домино», при котором формальное судебное признание недействительности сделки в процедуре банкротства влечет фактические последствия, выражающиеся в сокращении материальной базы конкретного хозяйственного комплекса. В случае же систематического применения института недействительности сделок при банкротстве, эффект от таких мер будет мультиплицироваться, оказывая еще более негативное влияние на состояние хозяйства как отдельного предприятия, так и региона, в том числе приводя к банкротству других хозяйствующих субъектов, сокращению рабочих мест и т. п. Необходимо учитывать, что формальное исполнение норм закона, основанное на всегда субъективном установлении судебной истины, влекущее признание сделки недействительной и восстановление прав конкретного лица-заявителя может иметь негативное общехозяйственное значение.

Таблица 2. Динамика признания арбитражными судами сделок

недействительными в процедурах банкротства

Год	2015	2016	2017	2018
Кол-во принятых заявлений о недействительности сделки	3402	5587	7101	8607
Кол-во удовлетворенных заявлений о недействительности сделки	1394	2279	2937	3234

Основные критерии недействительности сделок должника, находящегося в процессе банкротства, установлены в специальных нормах, помещенных в основном в Главу III.1 Закона о банкротстве. В том числе установлены критерии подозрительности сделок: подозрительной является сделка, условия которой для должника, находящегося в стадии банкротства, явно хуже, чем могли бы быть при сопоставимых обстоятельствах. Пример такой сделки — продажа недвижимого имущества по цене, которая значительно меньше его реальной рыночной стоимости.

Помимо того предусмотрено, что подозрительная сделка, совершенная за три года до подачи заявления о банкротстве или после его подачи, также может быть признана недействительной, если в результате совершения данной сделки должник стал неплатежеспособным, а сделка была совершена: либо безвозмездно, либо с заинтересованным лицом; либо в целях выделения доли участнику организации ввиду его выхода из состава участников, либо на сумму, равную 20 и более процентам балансовой стоимости активов организации, исчисленных на момент ее совершения (для банка или кредитной организации — 10 и более процентов), либо должником, изменившим свое место нахождения прямо перед совершением сделки (после ее совершения) без ведома кредиторов, либо сокрывшим свое имущество или документы по сделке, либо Должником, который после совершения сделки продолжал использовать переданное по ней имущество. Названные нормы закона должны служить гарантией защиты прав кредиторов в процедуре банкротства должника.

Вместе с тем, практическое применение указанных норм порождает ряд проблемных ситуаций. Правовые механизмы банкротства не всегда проявляют свое хозяйственное значение как регулятор экономического развития, в ряде случаев наблюдается слабая защита прав кредиторов с одновременным нарушением интересов других сторон сделок должника

при формальном применении норм закона. Правовой институт банкротства в современных условиях не приобрел значения механизма экономического оздоровления, поддержки производителей товаров и услуг, оказавшихся в сложном финансовом положении, но все чаще служит средством «списания» долгов, прекращения юридических обязательств, реализации претензий на ликвидное имущество за пределами общих сроков исковой давности.

Помимо Закона о банкротстве к числу важнейших регулятивных актов можно отнести целый ряд постановлений высших судебных инстанций, имеющих общеобязательное значение в целях правоприменения. Само содержание и смысл этой нормативной базы предполагает не только юридическую, но и экономическую, в том числе финансовую оценку хозяйственных явлений и числовых показателей. В то же время законодательно не установлено требований о наличии специального экономического и/или юридического образования для главного субъекта, реализующего основную массу процедур банкротства — арбитражных управляющих. Требования сводятся лишь к общему опыту работы, который может быть формальным, в т.ч. зафиксированным в качестве трудового стажа в мелких коммерческих организациях, давно прекративших существование. Более широко проблема может рассматриваться в аспекте судебной деятельности, поскольку в российской модели банкротства именно арбитражным судам отводится ключевая роль в легитимации процесса и результатов банкротства, а также при разрешении большинства спорных вопросов. В том числе, предметом судебного усмотрения становятся такие вопросы как оценка показателей финансовой состоятельности, результатов финансового анализа (хотя бы и предварительно подготовленных арбитражным управляющим), критериев соответствия рыночным условиям ценовых и иных фактических показателей хозяйственных операций, оснований для выводов о наличии или отсутствии «разумной экономической цели». Такие вопросы требуют специальных финансово-экономических познаний, включая расчетно-математические методики, которые объективно не входят в программы юридических специальностей, а следовательно, либо предполагают самостоятельное изучение упомянутых предметов судьями банкротных составов, либо выпадают из сферы их компетенции, образуя квалификационный пробел.

Тревожной тенденцией можно признать то, что на фоне довольно размытых нормативных критериев, установленных Законом о банкротстве для признания сделок недействительными, действий должника и аффилированных ему лиц «недобросовестными», привлечения к субсидиарной ответственности «контролирующих должника лиц», все

чаще в юридической практике применяются еще более субъективные и неопределенные критерии «намерения причинить вред», «злоупотребления правом», общей «недобросовестности», «неразумности», «фактической (а не юридической) аффилированности».

Так в одном из дел арбитражный суд первой инстанции признал фактически аффилированными лиц, которые оказывали услуги консультационного характера на основании гражданско-правового договора [9]. Окружной суд посчитал, что сделка купли-продажи недвижимости осуществлена по «заниженной» цене лишь потому, что цена оказалась на 2,4% ниже кадастровой стоимости, ранее бесспорно установленной судебным решением [10]. Недействительными признавались сделки уступки банком вкладчику во исполнение обязательств по договору вклада прав требования к иным третьим лицам [11, 12].

Негативным и потенциально экономически деструктивным следует признать применяемый в ряде случаев подход двойного взыскания с контрагентов банкрота. Так если сделка организации-должника с ее аффилированным лицом в процессе банкротства признана недействительной и аффилированный контрагент исполнил обязательства по сделке, то последствием недействительности сделки может стать обязанность уплатить цену сделки в конкурсную массу должника и некое «восстановление задолженности» должника-банкрота перед контрагентом. Понятно, что при таком зеркальном воспроизведении взаимных финансовых обязательств взыскание реальных денежных средств с платежного контрагента будет иметь место незамедлительно и в ряде случаев приведет к банкротству уже его самого, в то время как перспективы возмещения «восстановленной» задолженности должником-банкротом весьма неопределенны. Такой механизм, основанный на формалистическом применении норм закона и субъективном судебном усмотрении, может привести к цепочным банкротствам бесконечного числа работающих предприятий, к экономическому дисбалансу, подрыву благосостояния хозяйственного комплекса региона, отрасли.

Еще более десяти лет назад исследователи указывали на опасность и неэффективность стереотипных, шаблонных подходов к управлению процедурами банкротства, с учетом народнохозяйственного значения проблемы [13]. Вопросы преодоления субъективизма и неволюнтаризма, игнорирования общеэкономической значимости государственного управления процессами банкротства сохраняют актуальность и на сегодня.

Основные выводы. Процедуры банкротства в их народнохозяйственном значении не могут рассматриваться исключительно как юридически значимые действия, урегулированные нормами закона, в

отрыве от экономической практики функционирования конкретной отрасли, региона, хозяйственного комплекса. Имеют место негативные тенденции роста как числа банкротств, так и признания недействительными сделок с контрагентами банкротов, что ведет к разрушению материальной базы уже совершенных хозяйственных операций. Недостаток профессиональной финансово-экономической подготовки субъектов административных и судебных банкротных процедур ведет к неэффективности управления финансовым оздоровлением, приоритетом ликвидационных процедур по отношению к санационным, возникновению цепочных связей, обуславливающих взаимную финансовую несостоятельность целого ряда предприятий. Саморегулируемые организации арбитражных управляющих зачастую не обеспечивают должной степени контроля их деятельности и соответствия квалификационным требованиям, и, будучи основанными на членских взносах, чаще встают на защиту интересов собственных членов, в т.ч. по жалобам на их действия. Наиболее пристального внимания требуют процедуры банкротства в сферах агропромышленного комплекса, реальных и финансовых инвестиций. Актуализируется задача выработки комплекса специальных правовых норм и регулятивных механизмов усиления защиты субъектов из таких сфер, оказавшихся в сложной финансовой ситуации. Не исключается введение полного или частичного иммунитета от банкротства для сельхозпроизводителей, с учетом особых условий их хозяйствования. Могут быть признаны актуальными и поставлены на повестку дня вопросы возрождения специального государственного органа по типу Федеральной службы по финансовому оздоровлению, создания специализированных банкротных судов.

Литература.

1. Семякин М.Н. Экономика и право: проблемы теории, методологии и практики. / Под общей ред. Члена-корреспондента РАН А.И. Татаркина. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006 384 с.
2. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон Рос. Федерации № 127-ФЗ от 26 окт. 2002 г. // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.
3. Боробова С.А. Антикризисное управление в сельскохозяйственных организациях // Российское предпринимательство, 2009. № 10(2). С. 136-142.
4. Воробьев С.П. Актуальные проблемы банкротства сельскохозяйственных предприятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2013. № 5 (103). С. 141-145.
5. Чикулаев Р.В. Особенности участия финансовых организаций в

делах о банкротстве // Проблемы гармонизации законодательства о банкротстве с уголовным, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством: сб. материалов всерос. Науч.-практ. Круглого стола. Пермь, 2018.

6. Динамика банкротств компаний. Статистический бюллетень ЕФРСБ. 31 дек. 2018 г. URL:<http://download.fedresurs.ru/news/> (дата обращения 22.07.2019).

7. Банкротство и финансовое оздоровление субъектов экономики: монография / под. ред. А.Н. Ряховской. М.: Издательство Юрайт, 2019. 153 с.

8. Судебный департамент при Верховном суде РФ // Судебный департамент. URL:<http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 04.07.2019).

9. Текущий архив Арбитражного суда Пермского края / Дело № А50-25819/2016.

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-4793/17 от 30.05.2019 // URL:<http://arbitr.ru/> (дата обращения 29.07.2019).

11. Определение Арбитражного суда города Москвы от 09.02.2011 по делу №А40-159435/09-70-802-Б // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Арбитражного суда города Москвы от 01.04.2011 года по делу №А40-159435/09-70-802-Б // СПС «КонсультантПлюс».

13. Хурсевич С.Н. Банкротство. Преодолевая стереотипы. - М.: ООО «Издательство М-ОКО». 2005, - 128 с.
